

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Р. Арсеньев

ОТ «ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ АФРИКАНИСТИКИ» К ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОНОМОЛОГИИ (на путях преодоления концептуального кризиса гуманитарных наук)

Философия и этнология, да и ее практическая, экспериментальная сфера в лице этнографии, оказались теснейшим образом связаны на заре своего оформления в условиях Нового времени. И заблуждения этнографии, идущие от неразвитости метода, от подражания испытывавшим бум естественных наук запечатлелись в огромном числе клише, стереотипов мировоззренческого знания и метода, поскольку эти сферы, реализующиеся в рамках философии, доверялись «данным этнографии». Получался эффект зеркала или, как об этом ярко написал В.М. Мисюгин, «эффект бумеранга исследователя» [Мисюгин 1991]. Для ученых, владеющих материалом, ощущающих его, имеющих опыт и интуицию во взаимодействии с культурами неиндустриальных обществ и к тому же не порывающих с марксистским обществоведением, «концептуальный лабиринт» классической этнографической науки, начетничество и «интеллектуальная мертвечина» были очевидны — и давно. Впрочем, это не всегда был повод для бегства в ползучую эмпирию, о которой некоторые коллеги любили и любят говорить: «Зачем какие-то теории! Берите материал, и он сам приведет вас к теориям и концепциям!» Как наивно! Как упоительно идиллично!

Да, большая теория, восходящая к всеобщей картине мира, застыла и окаменела в формах, уходящих как минимум в XIX в. И если тогда в ней, пусть в снятом виде, присутствовал «Бог» как «гарант всеединства», то постепенно и он оказался излишним, да и абстракция «материи» не сумела интегрировать данные опытом, ощущением, разумом проявления бытия. В итоге наука, а с ней и культура в целом потеряли целостное видение этого бытия — как в его природных, так и в социально обусловленных проявлениях. Разного рода частные теории (типа, общей теории поля, волновой теории, квантовой теории — в физике, герменевтики, структурализма и семиотики — в гуманитарии, фонологии и фоносемантики — в науке о языке) хоть и претендовали на всеохватность явлений и проявлений действительности, решить подобную задачу оказывались не в состоянии. При этом, в лучшем случае, они могли констатировать какие-то более или менее частные, формальные закономерности, создавая иллюзию оправдывающихся больших обещаний и больших ожиданий. Но время шло, росло число адептов, разрабатывающих детали и прикладные стороны находящих «на волне» идей и моделей, а скачка к новому качественному состоянию этой теории не происходило. И снова, и снова не оправдывающиеся ожидания поро-

ждали либо охлаждение и фрустрацию, либо язвительный скепсис по поводу очередной в истории Цивилизации попытки создать «теорию Всего». Но и холистический или системный подходы, оперируя понятиями «всего», «всеохватности», «целостности», не оказывались концептуальным мейнстримом, смещались на периферию из-за видимой прикладной эффективности позитивистских узко специализированных отраслей знания, из-за доминирования «техник над технологиями», что особо заметно проявилось в концептуальных принципах регулирования экономики.

Следует еще раз подчеркнуть, что даже это формулируемое «Всё» концептуально «выстраивалось», конструировалось так, как строятся модели — из деталей, элементов, блоков. Далее оно реконструировалось с возвращением этой «квазимодели» в действительность, в практику бытия на основании частных формальных и фактически априорных посылов, имеющих скорее не онтологическую, а носеологическую природу. Т.е. таковые оказывались проекцией знания и ощущения на действительность. И главным заблуждением подобных посылов выступало отождествление конструкта, феномена отражения с самой действительностью, придание конструктам и концептам детерминирующей роли в эманациях самого бытия. Возможно, при этом главным основанием подобных «процедур» и их идеологической базой выступала абсолютизация процедур отражения, перевод их в категорию познанных проявлений трансцендентной реальности. Скажем, на примере структурализма и семиотики подобная «сверхправда» концепта по отношению к явленному вполне очевидна. Как часто мне доводилось слышать: «Ну и что, что он был в Африке. Мало ли кто там бывал. Видеть и понять — не одно и то же».

Может быть, в этом самом противопоставлении «видеть» и «понять» как раз и заключена одна из фундаментальных проблем нашей системы культуры. Именно в единстве «видеть и понять», в их последовательной ротации, да и то — существующей только в отражении, в логической операции процедуры познания, заключен путь к адекватности восприятия, чувственного и рационального, действительного мира и адекватности взаимодействия с ним, существования в нем. Иначе все превращается в культурные, а через это — и интеллектуальные «пирамиды», в пространстве которых жили цивилизации, существует нынешняя Цивилизация и которые рано или поздно обрушиваются под давлением собственной массы, невзирая на логическую безупречность конструкций, на всю прочность заложенных в них материалов и постулатов. Культура обязана оставаться открытой для реального мира, по сути, «внекультурного», внесоциального, в какой-то мере внечеловеческого, но присваиваемого людьми в процессе бытия мира, чтобы выживать, чтобы обеспечивать воспроизводство порождающей, воспроизводящей ее человеческой популяции, организованной в общество.

До приобретения полевого опыта в Африке я сам не ставил перед собой задач, выходящих за рамки прикладных, за рамки моделирования изучаемой социальной системы. Однако попытки работы с упрощающими, а по сути упорядочивающими материал схемами (например, в форме анкет, рабочих моделей и их равно операциональных производных, детализаций) в соответствии с основными принципами данного случая моделирования поставили меня перед выбором: либо продолжать априорную логику поиска, либо менять метод и методики. Следуя принципу вер-

ности не «материалу», а «действительности», я сделал упор на улавливание импульсов, исходящих от среды и поиска эмоционального совпадения с ней, т.е. на освоение принципов поведения среды через аналогии, через подход, идущий от подражания, от дидактического принципа «делай, как я».

В итоге на основе собственной эмпирической деятельности я пришел к высокой степени неудовлетворенности теориями «классической» науки. Вот почему возникшие к концу XX в. разговоры о постмодернистской фазе мировой культуры оказались для меня всего лишь подтверждением собственных концептуальных исканий.

И хотя новая целостная, исчерпывающая, оперативно применимая концепция пока не появилась, задумываться и действовать приходится уже сейчас, в том числе и с пониманием неготовности и незрелости идей, которые соответствуют этому сегодняшнему предвосхищению будущего. Исходя из дня сегодняшнего, перспектива мне видится примерно следующей. (Впрочем, этапы, звенья соединений в цепочки таковых суть, на самом деле, в высшей степени условны. Ведь иметь в виду приходится одновременно весь «маршрут», но с разной степенью его конкретности. И то, что по задачам ближе и реализуемее, видится конкретнее, чем то, что лежит в качестве дальней цели.)

Начать надо с упоминания частично пройденного этапа — этапа неудовлетворенности и сомнений в отношении нормативного багажа науки. Мне ближе говорить об этих общих проблемах на примере африканистических исследований, которые в середине-конце XX в. оказались на острие всего гуманитарного знания, как в нашей стране, так и за рубежом. Именно в этой области много оказалось сделано учеными «Ленинградской школы африканистики». Они прошли нелегкий для отечественных условий путь, начавшийся от простых сомнений по поводу теории советской этнографии и определения методологических «шор» западных африканистов-полевиков. В отношении последних оказалось достаточно ясно понято, как эти «шоры» искажают информацию, идущую от прямого восприятия действительности. Постепенно учеными этой школы нащупывалась твердая почва под ногами в отражении этой изучаемой (пусть чаще всего не из первых рук) действительности. Именно на этом этапе было осознано, в особенности усилиями В.М. Мисюгина и Н.М. Гиренко, что марксистская теория первобытного общества построена на общих верных принципах, но на ущербных, уязвимых, с позиции нынешнего знания, этнографических материалах и понятиях. Ими же была проделана и часть конструктивного реструктурирования этого багажа [Мисюгин 2009; Гиренко 1990, 1991]. И именно фиксация этого этапа как начала нового концептуального пути и привела меня к формулированию гипотезы о «Ленинградской школе африканистики» (а соответственно и к определению ее специфических концептуальных черт) как базе для дальнейшего научного поиска.

Развитие этой идеи обеспечило стержень для сущностного восприятия научного опыта коллектива, созданного Д.А. Ольдерогге. Так очевиднее обозначился вклад В.М. Мисюгина. С нарастанием постмодернистских тенденций в мировой культуре и науке стало понятнее, насколько он оказался дальновиден в своей последовательной критике европоцентризма во всех его проявлениях. Это находило выражение, в частности, в его обоснованном утверждении не столько релятивистского взгляда на культурные стереотипы Европы, да и любой другой

геокультурной системы, но и в утверждении всеобщности детерминизма выживания, гармонизации с природными циклами и процессами, естественности культур и обществ, пребывающих в природном гомеостазе. Именно эти истоки в сочетании с собственным исследовательским опытом, жизнью и прямым взаимодействием с африканцами в естественной для них среде в течение пяти лет и во временном диапазоне в 34 года [Арсеньев 2008] и привели к формулированию «этнософии» [Арсеньев 2006: 62; 2003]. Она мыслилась лишь как относительно временная фаза критического переосмысления мировоззренчески-философско-этнографических переплетений идей, фактов, методов и методик прошлого для создания базы скорректированного переосмысленным прошлым обращения к будущему гуманитарного знания.

Практически одновременно с формулированием «этнософии» пришло и осознание, что широко распространенный в странах бывшего советского блока, а равно и в левых кругах политического и идеологического спектра западных обществ исторический материализм в его унаследованных формах не выдержит критического переосмысления «теории первобытного общества» и потребует серьезного переосмысления. При этом историческому материализму невозможно отказать в праве на собственную эволюцию, ибо таковая может пойти вполне конструктивно, да и право на название, на бренд, пользуясь современными интеллектуальными штампами, это направление исторически заслужило. Не двигаясь от конкретной гуманитарной науки, его не следует критиковать или ниспровергать! Процесс диалектический, отражающий неизбежность и кризиса догматического знания, и неизбежность основ отражения, вне зависимости от исторически обусловленных формулировок.

Через практику конкретного кабинетного и полевого поиска я оказался вынужден задуматься о возможных формах движения снизу вверх: от «материала», концепций нижнего и среднего звеньев обобщения в сторону «большой теории», в подспоре и в поддержку ей. Так, благодаря традициям «Ленинградской школы африканистики» в познавательной практике у меня закрепилось представление, что в гуманитарных науках основной познаваемой величиной, феноменом действительного мира всегда выступает «общество» как целостная система человеческого существования, данная в проявлениях как «культура». Это «кредо» изысканий в гуманитарии. Его действие распространяется и на феноменологию, и на онтологию, и на гносеологию. И, следовательно, если задуматься о названии искомого исследовательского направления, то родовым, ключевым входящим в него понятием и должно выступать «общество» — «социум», «социс».

Если бы понятие «социология» не было бы отягощено связью с позитивистской картиной мира, с одной стороны, и с сочетанием «марксистская социология» как синонимом «исторического» материализма, проблемы бы не было, равно как и надобности «изобретать» новое название для не вполне очевидного по новизне научного направления. Но продолжать придерживаться определения «социология» в подобных обстоятельствах означало бы еще более запутать положение вещей. Да и от компонента «логос», дабы сохранить привязку к научной традиции, отказаться также нельзя. Нравится или не нравится это постмодернистскому сознанию, но доказательность, логическая последовательность, неопровержимые признаки рациональности должны присутствовать!

Между тем вся новизна концептуального, методологического предложения заключается в сущностно мотивированном введении в состав названия компонента «номо», ведущего к спецификации смысла всего предложения: дисциплиной становится «номология» как способ, система рассмотрения «социума». А вот что есть в данном случае «номо» — это представляет особый интерес. Отчасти это игра слов, своеобразная «маска», построенная на фонетической и графической близости греческого «номос» ('закон') и латинского «номен» ('имя, наименование/поименование'). Т.е., с одной стороны, речь идет о 'науке, изучающей законы общества', а, с другой, — о 'науке, выявляющей феномены и структурирующей их через поименование'. Как следствие, «новое» познается через соотнесение с «известным» процедурой называния его, т.е. фактического помещения в структурированное понятиями и их отношениями пространство. Таким образом, видимая игра слов «номос» и «номен» оборачивается вскрытием сущностной связи между онтологией и феноменологией в процессе познания, определяя и гносеологические принципы такового.

Как мне представляется, такой подход должен служить предпосылкой для перехода от аналитических способов миропознания к синтетическим и вернуть, в конечном счете, в познавательный процесс непреходящую фазу синтеза для обобщения результатов исследования и выводов о целостной характеристике исследуемого явления (хотя и выглядит он как постмодернистский пасс).

Остается отметить еще компонент — «историческая» — в названии предлагаемой дисциплины. Это понятие присутствует в нем для указания на динамический характер существования «социума»/«общества» и в реальном мире, и в модели, отражающей феномен «бытия». Традиции европоцентричного мировидения исходят из фактического постулата «времени» как императивной данности. Мой собственный исследовательский опыт говорит и об условной, «локальной» ценности этого представления, но еще более — об ошибочности восприятия его в векторной интерпретации [Арсеньев 1996]. Тем не менее соблюдение принципов диалектики накладывает обязательство хотя бы условного, операционно оправданного применения этого понятия.

Итак, если подводить промежуточный итог этой экспозиции, то «историческая социономология», будучи лишь одним из возможных предложений, обозначающих направления для осознанного выхода из концептуального тупика, отсутствия методологической перспективы, способна решать некоторый круг насущных проблем гуманитарного знания. Это дисциплина, опирающаяся на совокупный опыт гуманитарного знания, а также на представления о физическом мире, скорректированные путем осмысления их культурной составляющей. Она изучает общество/общества как динамическую систему на основе осознанной императивной связи начальной классификации и типологизации вновь открываемых явлений в их номинации с дальнейшим путем определения закономерностей реализации этих явлений.

По сути, эта дисциплина даже на этапе своего зарождения или хотя бы номинации равно несет на себе отпечаток постмодернистской фазы Цивилизации, ибо ориентирована по своим посылам скорее на глубинное критическое переосмысление накопленного багажа гуманитарного знания, нежели на предложение ощутимой альтернативы. Но не думаю, что это должен быть аргумент против делаемого предложения. Ибо процесс, в который вступила Цивилизация, долгий

и мучительный. И если сегодняшняя унаследованная картина мира и конкретные протекающие из нее науки формировались не менее пятисот лет, беря за условную точку отсчета Высокое Возрождение, а конкретнее и непосредственнее — рубеж XVIII–XIX вв., то и смена этой парадигмы потребует не годы и десятилетия, а поколения и века. И наличие качественно иных информационных и коммуникационных средств здесь может оказаться ни при чем!

Библиография

Арсеньев В.Р. Ментальные коды и поиски «мнимого»: временные и социальные циклы бамбара // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 172–212.

Арсеньев В.Р. Манифест этнософии // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2003. № 4. С. 46–56.

Гиренко Н.М. Социология племени. СПб., 1990.

Гиренко Н.М. Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе // Africana. Африканский этнографический сборник. XV. Л., 1991. С. 4–61.

Мисюгин В.М. О «бумеранге» в этнографических и исторических исследованиях (из лекций по этносоциальной истории) // Africana. Африканский этнографический сборник. XV. Л., 1991. С. 108–135.

Мисюгин В.М. Три брата. Очерки этносоциальной истории. (В печати).

Arseniev V. Patrimoine materiel/patrimoine immateriel: presence, integration, reintegration // Arseniev V. L'Ethnosophie: le repertoire des notions principales. Manifestation. 2006. № 7a P. 62.

Arseniev V. Quelques reflexions sur la methode de l'ethnologie et les recherches de terrain (a travers de plus de cinq ans de l'experience personnelle) // Arseniev V. L'Afrique: une affection partagee. Quelques approches a la methode et aux experiences applicatives. 2008. P. 17–44.

И.Б. Губанов

ИРЛАНДСКО-ГЕРМАНСКИЕ КОНТАКТЫ И РОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО СТИЛЯ В НАЧАЛЕ VII в. н.э. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Примерно до начала VII столетия н.э. древнегерманская знать пользовалась вещами, украшенными с помощью различных техник, сложившихся преимущественно в римских провинциях, из которых наиболее технологически сложным был полихромный стиль — золотые вещи, украшенные инкрустацией из отшлифованных пластин граната.

В начале VII в. н.э. на британских островах, в Скандинавии и Нижней Германии получает распространение вендельский стиль, он же второй звериный стиль, по Салину. Дезинтегрированные композиции первого звериного стиля, в частности присущего и англосаксам эпохи вторжения в Британию [Вильсон 2004: 149–153], с его примитивной плетенкой, еще слабо интегрированной с распадающимися на отдельные элементы изображениями звериных голов [Salin 1904: 257–270], сменяются зооморфной плетенкой второго стиля (VII–VIII вв.